

Рецензия на П. Серио

Valentin Nikolaevič Vološinov. *Marxisme et Philosophie du Langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage / Édition bilingue traduite du russe par Patrick Sériot et Inna Tulkowski-Ageeva.* – Limoges: Lambert-Lucas, 2010. – 600 p.

Рецензируемая работа, изданная в Лозаннском университете (Швейцария), знакомит европейского читателя с новым французским переводом, выполненным П. Серио и И. Тылковски-Агеевой, одной из самых известных книг Валентина Николаевича Волошинова (1895-1936) «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке», впервые опубликованной в Ленинградском издательстве «Прибой» в 1929 г.

Композиционной особенностью предложенного научной общественности издания следует считать параллельный (двуязычный) перевод русского текста названной монографии В.Н. Волошинова на французский язык, снабженный масштабным «Предисловием» Патрика Серио (с.13 – 109), в котором наряду с известными историческими данными о творческом периоде отечественной лингвистике 20-х–30-х годов прошлого века приводятся также данные об истоках и характере научных идей В.Н. Волошинова в этот период, библиографическим списком теоретических работ В.Н. Волошинова (с. 95 – 109), его отчетом о научной работе в исследовательском институте при университете за 1925 –1926 гг. (с. 470 – 475) и отчетом аспиранта В.Н. Волошинова в ИЛяЗВе за 1927 – 1928 гг. (с. 478 – 517), а также статьей «Что такое язык?» (с. 520 – 566), кстати сказать, одной из трех статей незавершенного цикла, впервые опубликованной во втором номере журнала «Литературная учеба» за 1930 год (с. 48 – 66) под общим названием «Стилистика художественной речи».

Цель издания такого монументального труда очевидна: популяризация и современная трактовка («прочтение») некоторых научных идей В.Н. Волошинова – одного из отечественных лингвистов 20-х–30-х годов 19 века. Необходимость появления такого издания обуславливается целым рядом факторов. Во-первых, несмотря на известность трудов В.Н. Волошинова на Западе (его труды переведены на ряд европейских языков, в том числе и на французский), лингвистические и социолингвистические идеи самого В.Н. Волошинова нередко рассматриваются в отрыве от научного контекста отечественной (русско-советской) науки периода 1890–1930 годов и комментируются чаще всего без учета работ самого автора, претерпевая при этом соответствующие модернизации и различные трансформации.

Во-вторых, своей масштабной оценкой научной деятельности В.Н. Волошинова исследователи из Лозаннского университета стремятся внести некоторую ясность в проблему авторства «спорных текстов» (т.е. проблему «авторских прав» В.Н. Волошинова), о чём свидетельствует композиционное построение рецензируемого издания и приведенные в нем документальные факты: см. с. 470 - 475 издания, где представлен «Отчет В.Н. Волошинова о

научной работе в исследовательском институте при университете за 1925 - 1926 гг.», а также с. 478 - 517, на которых размещен «Отчет аспиранта В.Н. Волошинова в ИЛяЗВе за 1927 - 1928 гг.» (научный руководитель - литературовед В.А. Десницкий) и с. 95 - 100, где приведен «Библиографический список теоретических работ Валентина Николаевича Волошинова с 1913 года по 1930 год».

В-третьих, издавая двуязычный перевод работ В.Н. Волошинова, авторы перевода рецензируемой монографии стремятся в соответствии с текстом оригинала точнее донести истоки идей самого В.Н. Волошинова как исследователя и теоретика, чтобы показать специфику его «революционных» для своего, но, как оказалось, и для нашего времени взглядов на целый ряд проблем в науке о языке. Также следует отметить, что в «Предисловии» П. Серио отслеживается дальнейшее их развитие с учетом современных научных парадигм и направлений в языкознании.

В-четвертых, важно учесть, что своим изданием двуязычного перевода П. Серио и И. Тылковски-Агеева вносят определенный вклад в продолжающуюся дискуссию по прояснению ситуации в области так называемых «Bakhtin studies», породивших как в отечественной, так и зарубежной научной среде «бурную полемику» о спорных текстах в период с 1990-х – и до «нулевых» (2000-х) годов (об этом подробнее см., например: Алпатов, 2005; Бахтин М.М. (под маской), 2000; Махлин, 2012; Олива, 2012; Пешков, 2000; Седов, 2010). Заметим, правда, что издатели рецензируемого труда не включаются напрямую в эту дискуссию, полагая для себя этот вопрос либо однозначно решенным, либо не актуальным для анализа (*здесь и сейчас*) творческого наследия В.Н. Волошинова относительно лингвистических идей, о чем красноречиво свидетельствует выбор только одной из трех статей незавершенного цикла «Что такое язык?».

При этом важно иметь в виду, что отмеченная полемика не только и не столько сводилась к выяснению авторства тех или иных работ В.Н. Волошинова и какие его работы были завуалированы «дружеской маской» (Пешков, 2000) настоящего автора – М.М. Бахтина (см.: Бахтин/Волошинов, 2010; Бахтин /под маской, 2000; Волошинов/ Бахтин, 1993; ср. в этой связи точку зрения В.М. Алпатова : «Литература, посвященная сочинениям, принадлежащим или приписываемым Бахтину, неисчерпаема»), но она также затрагивала и затрагивает до сих пор (ср., например, обмен мнениями между А.М. Олива и В.Л. Махлиным на страницах журнала «Вопросы философии» за 2012 год) целый комплекс историко-философских проблем, которые и сегодня актуальны как для «бахтинистики», так и для других научных направлений, в частности, жанроведения или «генристики», языкознания, речеведения, охватывая теоретические аспекты диалогической речи, теории высказывания и дискурса, социо- и психолингвистики, лингвопсихологии, теории коммуникации, источниковедения, историографии и науковедения.

Не касаясь проблемы авторства «спорных текстов», лишь отметим, что по этому вопросу имеется обширная литература (и справедливо, что авторы рецензируемого издания не пытаются своим трудом увеличить её список),

которая, по замечанию В.М. Алпатова (2005: 3), способствовала превращению «бахтинистики» в «самостоятельную научную дисциплину, выходящую за рамки истории науки в обычном смысле и до некоторой степени приобретающую эзотерический характер».

Вероятно, по этой причине, т.е. по причине актуальности идей, высказанных В.Н. Волошиновым около сотни лет тому назад (см. стр. 95–109, где приводится список его теоретических работ), авторы-составители и перевод-чики поступили справедливо по отношению к читателям книги, предоставляя, в первую очередь, им право, самостоятельно оценить идейное наследие русско-советской лингвистики указанного периода и в последующем, если у них появится такой интерес, участвовать в разрешении – пусть даже и в личных целях – проблемы авторства «спорных текстов».

И, наконец, в-пятых, рецензируемый труд демонстрирует заинтересованному читателю научный статус (*status quo*) и показывает перспективность философских идей отечественной лингвистики 20-х–30-х годов XIX века, представленных в работах членов «Бахтинского кружка» (М.М. Бахтин, В.Н. Волошинов, И.И. Канаев, П.Н. Медведев) и обширной статье Л.П. Якубинского (1923: 96-194), которые посвящены анализу диалогической картины языкового взаимодействия, затрагивающей проблему интерсубъективности в терминах отношений между «я» и «другой» и социальной ситуативности (Волошинов, 1925; 1926; 1930; 1930а; 1930б; 1993 / 1927), что сближает, - но не отождествляет, - её с феноменологической проблемой отношений сознания и мира вовне при сохранении критического отношения к трансцендентализму Эдмунда Гуссерля и его «эгологической интерсубъективности». Об этом красноречиво говорят слова М.М. Бахтина, утверждавшего в работе «Автор и герой в эстетической деятельности»: «Дело здесь идет не о гносеологической корреляции субъекта – объекта, а о жизненной корреляции меня – единственного субъекта и всего остального мира как объекта не только моего познания и внешних чувств, но и волнения и чувствования. Другой человек для меня весь в объекте, и его *я* – только объект для меня. Я могу сделать себя своим объектом. Но в этом акте самообъективации я не буду совпадать с самим собою, *я – для – себя* останусь в самом акте этой самообъективации, но не в его продукте, в актах видения, чувствования, мышления, но не мыслимом, увиденном или почувствованном предмете» (Бахтин, 2003: 117), и слова В.Н. Волошинов (1930а: 65, 73; см. также: Бахтин / Волошинов, 2010: 187, 195), отмечавшего в статье «Конструкция высказывания», что «всякая р е ч ь д и а л о г и ч е с к а я, р е ч ь, у с т а н о в л е н н а я н а д р у г о г о ч е л о в е к а, н а е г о п о н и м а н и е и д е й с т в и т е л ь н ы й и л и в о з м о ж н ы й о т в е т». Всякое языковое выражение впечатлений от внешнего мира – как непосредственных, так и отстоявшихся в глубинах нашего сознания и получивших более прочные и устойчивые идеологические очертания – всегда у с т а н о в л е н о н а д р у г о г о, н а с л у ш а ю щ е г о, х о т я б ы р е а л ь н о э т о т д р у г о й и о т с у т с т в о в а л. Мы уже видели, что самые простейшие, примитивные выражения даже чисто

физиологических желаний и ощущений уже обладают определенной социологической структурой».

Как видим, достижение поставленной издателями монографии цели предопределяет непосредственное обращение к описанию лингвистической концепции А.Н. Волошинова и анализу того идейного (в том числе и идеологического) контекста российско-советской научной эпохи, в рамках которого складывалась, а к 1930 году XIX в. уже практически сложилась, система его научных взглядов и сформировала особый (оригинальный) и названный автором «социологическим» подход к феномену диалогической (коммуникативной) компетенции человека как *homo loquens* и *homo communicabilis*, которая, как сказали бы сегодня специалисты в области теории «эффективной коммуникации и коммуникативного конструкционизма» (Романова, 2009), реализуется в «формах жизненного общения» и «дает возможность построить окончательное определение языка и перейти к более обстоятельному рассмотрению конструкции всякого высказывания, как жизненного (т.е. в виде «естественно - языковых» или дискурсивных практик – см.: Романов, 2002; 2007), так – впоследствии – и литературного» (Волошинов, 1931: 65, 68; также: Волошинов, 1925; 1929; 1930; 1930а; 1930б). Со всей очевидностью следует признать, что в этот временной период своего научного творчества (1925 – 1931 гг.) ученый обосновал идеи диалогического взгляда на язык, на его коммуникативно-функциональное проявление в виде «речевых выступлений как возможных словесных соприкосновений» и их «преломление в речевой стихии» с учетом условий «общественно-психологической данности словесного взаимодействия» (с. 488), которые заложили основу современного отечественного рече- и диалоговедения (Романов, 1982; 1988; 2005; 2007), «генристики» или «речевого жанра» (Седов, 2010: 5; 2007), предвосхитив намного раньше идеи западных исследователей в области эффективной коммуникации, регулятивной (диалого-организующей, диалого-направляющей и диалого-контролирующей – см.: Романов, 1988) специфики речевого («вообще знакового») общения и взаимодействия «в слове, в жесте, в деле» (с. 488), психолингвистики, прагмалингвистики и теории речевых актов.

В своём «Предисловии» профессор Патрик Серио достаточно подробно разбирает философские истоки лингвистических идей В.Н. Волошинова, обращая, при этом, помимо всего прочего внимание читателей на интеллектуальное влияние ряда зарубежных и отечественных исследователей на формирование авторских идей, например, Ф. де Соссюра, К. Фосслера, Э. Кассирера, В. Дильтея, Р.О. Шор, Л.П. Якубинского и др., упомянутых автором в своей монографии «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке» (также: МФЯ). Подчеркивается, что влияние зарубежных авторов, главным образом немецких философов, на автора МФЯ оказалось значительно интенсивнее, чем влияние идей отечественных исследователей.

Однако следует признать, что попытка тесно привязать влияние идей немецкой философии, в частности, упомянутой выше немецкой феноменологии начала двадцатого столетия на специфику диалогической картины языкового взаимодействия в её понимании В.Н. Волошиновым и другими членами «бахтинского кружка» (М.М. Бахтиным, П.Н. Медведевым, И.И. Канаевым) далеко не нова (ср.: Махлин, 2012), как, впрочем, не является новым и вопрос об отношении самого автора МФЯ к идеям марксизма (см.: Алпатов, 2005; Пешков, 2000, Махлин, 2012), рассматривавшего «марксизм как творческий метод», и широко употребляемым им словам «марксистский», «идеология», «идеологический», «классовый». В разделе монографии «Отчёт аспиранта В.Н. Волошинова за 1927-1928 гг.» (с. 486) находим слова самого автора: «Проблемы *философии языка* приобрели для марксизма в настоящее время исключительную актуальность и важность. Можно сказать, что на целом ряде важнейших боевых участков научной работы марксистский метод упирается именно в эти проблемы... В таком положении прежде всего находятся самые основы марксистской *науки об идеологиях* (об идеологическом творчестве): науковедения, литературоведения, религиоведения, наука о морали и пр. – то есть основы всей той обширной области, которой в немарксистском мировоззрении усвоено название «философия культуры». Ср. также наличие первого раздела в третьей статье «Слово и его социальная функция», который именуется автором «Классовая идеология и стилистика высказывания» (Волошинов, 1930б).

Как известно, проблема влияния марксизма на идеи автора МФЯ трактуется различными исследователями по-разному и, по свидетельству специалистов, далеко не имеет однозначного решения (см.: Алпатов, 2005; Махлин, 2012; Олива, 2012). Тем не менее, не сложно заключить, что для П. Серио явная приверженность В.Н. Волошинова марксизму, а также марксистская направленность общего контекста его монографии «Марксизм и философия языка» не является *terra incognita*. Правда, на первый взгляд может показаться, что такая позиция автора «Предисловия» относительно идеологической направленности контекста МФЯ есть ни что иное, как обыкновенная дань во франкоязычном ареале традиции левых взглядов на позитивные идеи марксизма в целом. Однако, как представляется, здесь можно усмотреть определенную позицию профессора П. Серио на проблему «спорных текстов» вообще и на конкретное авторство переведенной монографии МФЯ, если учесть точку зрения ряда исследователей на тот факт, что сам М.М. Бахтин не причислял себя к активным сторонникам идеологии марксизма. Опираясь на идеологию марксизма в научном творчестве как водораздел между В.Н. Волошиновым и М.М. Бахтиным, «франкофон» П. Серио (с. 14) оставляет для себя этот вопрос решенным.

Логично было бы ожидать в «Предисловии» оценку истоков теории высказывания как единицы запечатленного взаимодействия автора и адресата в процессе реализации «форм жизненного общения» с определенной «социальной установкой» (Волошинов, 1930а), выводящую на понимание

функциональной (прагматической, как сказали бы сегодня специалисты речевого общения) значимости тематического и – шире – коммуникативного пространства, в котором основная роль отводилась категории «речевого жанра». Как также было бы логичным, если следовать объявленной специфике двуязычного перевода, разместить в рамках предлагаемого издания и русский перевод «Предисловия», чтобы донести точку зрения его автора до русскоязычной аудитории. Вероятно, рамки, задачи и широта охвата обсуждаемого вводного материала этого раздела не предоставили такой возможности автору «Предисловия», что также не позволило ему в полной мере оценить новаторство идей социологического метода в языкознании, предложенного В.Н. Волошиновым в 1925 – 1931 гг. Тем не мене, новое прочтение работ В.Н. Волошинова дает понимание глубины созданной им оригинальной теоретической модели «лингвистики речи» - дискурсивно-жанровому направлению в изучении континуума естественно - языковых практик повседневной коммуникации и поможет читателю ближе познакомиться с причинами смены точки зрения автора МФЯ в исследовании лингвистической реальности, призывающего отталкиваться не от языка как системы себе тождественных (подобных) форм, а от социальной реальности их проявления в закономерностях конкретного (социо-психологического) взаимодействия людей: «Всякое высказывание, как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения (жизненного, литературного, познавательного, политического)... Отсюда возникает важная проблема: изучение связи конкретного взаимодействия с внесловесной ситуацией, ближайшей, а через неё и более широкой» (Волошинов, 1930: 100-101).

Литература

1. Алпатов В.М., Волошинов В.Н. Бахтин и лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2005. - 516 с.
2. Бахтин М.М., Волошинов В.Н. Антропологическая лингвистика. Избранные труды (Серия «Психолингвистика») / Сост. и автор предисловия К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2010. – 255 с.
3. Бахтин М.М. (под маской). Маска первая. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. Составление, текстологическая подготовка, И.В. Пешкова. Комментарии В.Л. Махлина. – М.: Издательство «Лабиринт», 2000. – 638 с.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1. Под ред. С.Г. Бочарова и Н.И. Николаева. – М., 2003.
5. Волошинов В.Н. По ту сторону социального // Звезда. – 1925, № 5. – С. 186 – 214.
6. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросу о социологической поэтики // Звезда. – 1926, № 6. – С. 244 – 267.
7. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – Л.: Прибой, 1929. – 157 с.

8. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – Л.: Прибой, 1930. – 157 с.
9. Волошинов В.Н. Конструкция высказывания // Литературная учеба. – 1930а, № 3. – С. 65 –87.
10. Волошинов В.Н. Слово и его социальная функция // Литературная учеба. – 1930б, № 5. – С. 43 – 59.
11. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Маска первая. Фрейдизм. Комментарии В. Махлина. Сер. книг «Бахтин под маской» под общей ред. И. Пешкова. – М.: Издательство «Лабиринт», 1993. – 120 с. (оригинал издания - 1927 год).
12. Канаев И.И. Современный витализм // Бахтин М.М. (под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. Составление, текстологическая подготовка, И.В. Пешкова. Комментарии В.Л. Махлина. – М.: Издательство «Лабиринт», 2000. – С. 46 – 65.
13. Махлин В.Л. Отражение отражения (попытка комментировать) // Вопросы философии. – 2012, № 1. – С. 161 - 165.
14. Олива А.М. Влияние идей феноменологии на понятие «дискурсивного взаимодействия» бахтинского диалогического кружка // Вопросы философии. – 2012, № 1. – С. 144 - 160.
15. Пешков И.В. «Делу» - венец, или еще раз об авторстве М. Бахтина в «спорных текстах» // Бахтин М.М. (под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. Составление, текстологическая подготовка, И.В. Пешкова. Комментарии В.Л. Махлина. – М.: Издательство «Лабиринт», 2000. – С. 602 - 635.
16. Романов А.А. Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб. Дисс. ... канд. филол. н. – Калинин: КГУ, 1982. – 178 с.
17. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
18. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. – М. - Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. – 191 с.
19. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 153 с.
20. Романов А.А. Политический дискурс в системе социально - институциональной практики [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2007. - № 4 (9). – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
21. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка.– М.: ИЯ РАН, 2009. – 180 с.
22. Седов К.Ф. М.М. Бахтин – знамя отечественной антропологической лингвистики // Бахтин М.М. / Волошинов В.Н. Антропологическая лингвистика. Избранные труды (Серия «Психолингвистика») / Сост. и автор предисловия К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2010. – С. 3 – 6.

23. Седов К.Ф. Предисловие // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация /Общ. ред. К.Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 5 – 6.

24. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. – 1923, № 1. – С. 96 – 194.

Алексей Аркадьевич Романов, доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков Томского национального
исследовательского политехнического университета,
профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики
Тверского государственного университета,
заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации,
директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций
Тверской ГСХА, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

июль 2013, г. Тверь